

13. Он же. Там же.
14. Он же. Указ. соч. С. 42.
15. Он же. Там же.
16. Он же. Указ. соч. С. 82–83, 286.
17. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 22–24.
18. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. С. 49.
19. Следзевский И. В. Архаический культурный текст как специфический мир пространства и времени // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1995. С. 22.
20. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. С. 188–189.
21. Он же. Указ. соч. С. 188. Ср. с «астрологическими знаменами» в Древней Месопотамии. См. об этом: Оппенгейм А. Л. Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. М., 1980. С. 230.
22. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. С. 189.
23. Он же. Там же.
24. Белков П. Л. Планиметрия архаического мировосприятия (К проблеме истоков представлений о пространстве и времени) / Пространство и время в архаических... С. 26; Яковлева А. М. Мифологические корни фольклорного мышления: пространство, время, существование // Вестн. МГУ. Сер. 7. Филос. М., 1981. № 6. С. 57; Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. М., 1994. С. 74–75, 94–95.
25. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 83; Леви-Брюль Л. Сверхъестественное... С. 297. О мифическом времени, см. также: Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 171–178.
26. Гуревич А. Я. Категории... С. 108.
27. Ахундов М. Д. Указ. соч. С. 58.
28. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное... С. 297.
29. Белков П. Л. Указ. соч. С. 32.
30. Элиаде М. Миф о вечном возвращении (Архетипы и повторение) // Космос и история. М., 1987. С. 83.
31. Ахундов М. Д. Указ. соч. С. 54, 62; Гуревич А. Я. Время как проблема культуры / Указ. соч. С. 107; Он же. Категории... С. 152; Он же. Средневековый мир... С. 52; Мелетинский Е. М. Время мифологическое / Мифы народов мира. Энцикл.: В 2 т. Т. 1. М., 1991. С. 253; Яковлева Е. С. Указ. соч. С. 100.
32. Яковлева А. М. Указ. соч. С. 59.
33. Она же. Указ. соч. С. 64.
34. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное... С. 296.
35. Он же. Указ. соч. С. 22.
36. Он же. Указ. соч. С. 37–43, 53–60.
37. Он же. Указ. соч. С. 23–26.
38. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 21. См. также: Le Goff J. L'homme médiéval / L'homme médiéval. P., 1989. P. 35–36.
39. Элиаде М. Миф о вечном возвращении... Указ. соч. С. 56.

Александр Георгиевич ЕМАНОВ –
заведующий кафедрой истории древнего
мира и средних веков, доктор
исторических наук, профессор

УДК 940. 1

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА КАФЫ XIII–XV ВВ.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается феномен космополитической культуры средневекового города Кафы, складывавшейся из взаимодействия греко-понтийской, тюрко-арабо-исламской, иудео-караимской и латинской культурных традиций.

The article deals with the phenomenon of cosmopolitan culture of medieval city Kaffa that had accumulated Greek, Pontian, Turkish, Arabic, Moslim, Jewish and Latin cultural traditions.

Весьма показательным измерением городской культуры являются празднества. В поликонфессиональном городе, каковым являлась Кафа в XIII – XV в., существовали католические, православные, мусульманские, иудейские, караимские и, возможно, какие-то иные праздники. Но поскольку католическая община занимала в городской коммуне доминирующее положение, соответствующее расселению латинян в цитадели, то священные дни католического календаря должны были распространяться на все население города. В действительности насчитывалось более 50-ти праздников, единых для горожан. Большая часть из них, например, дни Св. Августина, Св. Иеронима, Св. Франциска Ассизского или Тела Христова и некоторые другие являлись чисто католическими. Часть праздников, общих для западных и восточных христиан, как, например, Рождество, Богоявление, Пасха и др. определялась в соответствии с католическим церковным календарем.

Одним из наиболее универсальных по смыслу праздников была Пасха, приходившаяся на весеннее равноденствие, значимое как для христиан, так и для иудеев и мусульман. Должно быть, главные мистерии, отражавшие смерть и воскресение Христа, представлялись францисканцами. Накануне Пасхи у монастыря Св. Франциска, что в цитадели, совершались публичные флагелляции [1], подражавшие жертвенному умерщвлению плоти Иисусом.

В Сочельник и Рождество устраивались фейерверк и иллюминация на Главной площади, во дворце коммуну давалось угощение свите консула, солдатам и полицейским в виде привычных для горожан восточных сладостей, сушеных и свежих фруктов и греческого вина — мальвазии; ставились большие свечи во дворце и храмах, раздавались деньги бедным и нищим [2].

В праздник Богоявления звонили колокола, совершалась церемония перед дворцом с участием греческих певцов, исполнявших гимн «Счастливейший день», и хора латинских священников, певших «Аллилуйю»; присутствующие угощались вином и фруктами, выделялось 500 аспров на благотворительные цели. Центральным событием праздника был ритуал освящения моря, имевший некоторую отдаленную аналогию с тем, что практиковался в Венеции, но сложившийся, скорее всего, из местной греческой традиции. Благословение моря совершали православные священники — *paras*, после чего в воду бросались мальчики для ритуального омовения, получавшие денежное вознаграждение [3].

Особое значение имел праздник Св. Георгия, считавшегося покровителем города. На дворцовом алтаре зажигались 4 большие и 2 меньшие свечи. Живописцы украшали городские башни и публичные здания изображениями Святого на коне, убивающего дракона, и гербами, подымались штандарты. В этот день совершались дары воинам: кавалерий получал цветную материю, полицейские, оргузии и стипендиарии награждались деньгами, викарий получал 2 шпоры, а канцелярий — ленту. Проводились различные состязания всадников и воинов. На центральной площади разыгрывалось аллегорическое действо, в котором фигурировали петух, традиционный символ неусыпного христианского бдения и воскресения, и лисица, символизирующая демонические силы. Консул со свитой совершал торжественное шествие к Воротам *Saihadogis* через весь город с запада на восток, и завершался день пиршествom во дворце [4].

Из больших общих праздников отдельного внимания в статуте Кафы удостоивался день Иоанна Крестителя, отличавшийся безудержной веселостью и приостановкой церковных запретов как в западной, так и в восточной христианских традициях. Он приходился на летнее солнцестояние, 24 июня, и составлял середину годового

цикла. Обязательным атрибутом чествования Иоанна Предтечи являлась ель, символизовавшая грядущее Рождество. Главным событием праздника должно было являться «покаянное омовение», для которого на средства коммуны заготавливались кувшины с водой и нанимались носильщики — камалы и которое было значимо не только для последователей Христа, но и для мусульман и иудеев. К вечеру празднество перемещалось на набережную города, где устраивались иллюминация и фейерверк. Для угощения горожан выставлялись бочки с вином, сладости и фрукты [5].

Помимо этих общих праздничных дней, в которые представители нехристианских конфессий не могли осквернять коммуну повседневными делами и обязаны были отдыхать, не возбранялось устанавливать внутриконфессиональные празднества, отдельные для мусульман, иудеев и других иноверцев.

Определенную направленность к универсализму без упразднения внутренней самостоятельности различных религиозных сообществ можно заметить в образовании. По-видимому, первые школы были основаны в Кафе в конце XIII в. доминиканцами и францисканцами. По крайней мере школьные учителя (*magistri scholarum*) города известны уже по актам 1289 г. В 1322 г., как явствует из материалов генерального капитула ордена доминиканцев в Дижоне, в городе была основана переводческая школа, в которой обучались монахи-миссионеры различным местным и восточным языкам. «Викарий (доминиканцев — А. Е.), — предписывалось в них, — назначает магистров ордена над братьями, которых посылают в города и конвенты Перы и Кафы, из числа наиболее образованных, которые способны компетентно преподавать и обучать письму и разговорным языкам...» [6].

Подобная же школа принадлежала францисканцам, в которой изучали греческий, армянский и татарский языки. Известия о ней отыскиваются в письме 1323 г. францисканской миссии в Кафе, адресованном коллегии кардиналов в Авиньоне: «... есть у нас прежде всего, венгры и, кроме того, немцы и англичане, которые за короткое время довольно хорошо усваивают татарский язык, однако французы и итальянцы с трудом и медленно постигают его ...». И в той, и в другой школе обучались не только монахи, но и миряне, как дети, так и взрослые, самого различного этнического происхождения [7].

В школах преподавали магистры и профессора обоих орденов, получавшие подготовку в Европе, порой в университетах. Судя по сложности и длительности получения соответствующих ученых степеней в орденовой организации, к преподаванию допускались самые квалифицированные филологи и теологи. Многие из них проявили себя как переводчики канонической литературы. Доминиканец Фаддей, к примеру, перевел с латинского на армянский ежедневные католические молитвы. Джакомо Итальяно, уроженец Кафы, с детского возраста владевший татарским и сделавший блестящую карьеру, став архиепископом Ханбалыка, за свою переводческую деятельность получал 10 флоринов в год. В миссионерских школах Кафы выполнялись переводы на армянский и татарский языки житий Святых, прежде всего, Св. Франциска и Св. Доминика, трудов отцов церкви — Аврелия Августина, Амвросия Медиоланского, Иеронима и других [8].

О масштабе переводческой деятельности в миссионерских школах Кафы свидетельствует небезызвестный «Кодекс Куманикус». В нем содержался учебник грамматики татарского (команского) языка с правилами склонения имен существительных и спряжения глаголов, по которому велось обучение в школе. Вслед за ним помещался трехязычный латинско-команско-персидский словарь с религиозной и бытовой лексикой. И затем приводилась антология учебных текстов, составленная из переводов на татарский язык образцов итальянской поэзии, католических гимнов, конечно же, «Аллилуйи», «Аве Иисус Христос» и др., сопровождавшихся нотной записью музыки; там же находились переводы символа веры, молитв, размышлений

о страстях Христа, фрагментов из теологических трактатов отцов церкви [9].

Неменьший интерес представляют германские глоссы, то и дело вставлявшиеся в «Кодекс Куманикус», общее число которых доходит до 500. Там же находились небольшой татарско-немецкий вокабуляр и образцы перевода фраз с немецкого на татарский. Судя по различию почерков, в записи глосс и вокабулярия участвовали 16 филологов, происходивших из лингвистической зоны от Аахена до Франкфурта-на-Одере, т. е. зоны распространения верхненемецкого языка. Германские глоссы, составлявшие как бы спонтанно создававшийся справочник немецко-татарского языка по образцу уже апробированного учебника латинско-татарского, отразил преподавательскую практику немецких учителей в среде школяров из Германии и, быть может, немецкоязычных крымских готов, которых было довольно много в Кафе, в том числе в местных школах [10].

В разные годы во главе миссионерских школ стояли ученые-теологи, происходившие из Италии и других стран католической Европы, из Византии и Армении. В 70-е гг. XIV в. таковым был Джованни де Кафа, получивший степень бакалавра в Оксфорде. В конце 20-х гг. XV в. ректором одной из школ был армянин Марк [11].

В 1418-1425 гг. подобную должность занимал Андрей Хрисоверг, происходивший из известной византийской фамилии. Вслед за своим старшим братом Федором, перешедшим в католичество, блестяще владевшим греческим, латинским и, между прочим, татарским, Андрей вступил в орден Св. Доминика, получил лучшее по тем временам образование в Падуанском университете, в котором какое-то время преподавал в качестве профессора философии. До своего появления в Кафе он заслужил степень магистра теологии, считавшуюся высшей в тогдашнем ученом мире. Андрей Хрисоверг уже до 1418 г. пользовался известностью как переводчик и автор речей для понтифика на Констанцком соборе. В какой-то мере этими заслугами объясняется его довольно высокий уровень доходов на должности ректора кафеской школы — 50 флоринов в год. Возможно, здесь, в обстановке соперничества и полемики между различными религиозными системами, им были написаны по-гречески и по-латински трактаты «απολογία» и «Opusculum», давшие самую сильную защиту латинского ритуала. Пребывание в Кафе оказалось важной ступенью в его дальнейшей церковной и теологической карьере: в 1426 г. он по диплому папы Мартина V получил почетную степень *magister sacri palatii*, которая вводила его в свиту понтифика; тогда же он был удостоен звания генерального викария ордена доминиканцев; в 1429 г. он был избран епископом Сутри, затем — архиепископом Родоса и Никосии. Ему принадлежала видная роль на Ферраро-Флорентийском соборе в обосновании унии западной и восточной христианских церквей [12].

Школьное образование патронировалось епископами Кафы, которые принадлежали к числу самых просвещенных людей своего времени. Первый католический епископ города — Иероним (1316-1326), каталонец по рождению, до назначения в Кафу 20 лет проповедовал в Афинах, в совершенстве владел греческим и команским языками, признавался в ордене Св. Франциска одним из самых эрудированных в теологических текстах. Он снискал особую славу как полемист и ритор. Известно, что Иероним участвовал в публичном диспуте в Константинополе, происходившем перед особой самого императора. Известно также, что он проповедовал перед ханом Золотой Орды Токту и его придворными, что оказало сильное воздействие на татарскую аристократию: племянник Токту — Абус-хан принял крещение и вместе с ним некоторые другие члены правящей фамилии; более того, после проповеди Иеронима распространились слухи об обращении в католичество самого Токту [13].

Третий епископ — уже упоминавшийся Фаддей, выходец из армян, до консакрации по католическому канону был назван епископом армянской церкви, чем вызвал сильное недовольство в Риме, но затем вступил в доминиканский орден и получил известность как сторонник унии, не раз бывавший в Авиньоне, общавшийся и состо-

явший в переписке с Марино Санудо Старшим и другими интеллектуалами. До появления в Кафе получил богатый опыт преподавания латинского языка и литературного перевода. В Крыму им выполнены переводы латинской литургии и монашеского устава Св. Доминика на армянский язык [14].

Последующие епископы — Конрадо де Прегранция (1357-1377), Бартоломео Вентура (1391-1398), переведенный затем в Солкат, как и сменивший его по просьбе коммуны Кафы солкатский епископ Джованни де Сауло (1398-1401), неизменно рекомендовались римской курией как профессора, «обладающие научными познаниями» (*literarum scientia*) и, определенно, владевшие тюркскими языками [15].

Иоанн Нахичеванский, армянин, уроженец Тебриза, принадлежавший к ордену униатов, владел классическими и несколькими восточными языками, прежде всего, тюркским и персидским. По его инициативе делался перевод «Жития Св. Франциска» Бонавентуры [16].

Пожалуй, наиболее яркой личностью на епископской кафедре Кафы был Джакомо Кампора (1440-1459), магистр теологии, автор трактатов о личном бессмертии души, аристотелевской метафизике и деятельном интеллекте; он безупречно владел «скифским» и «сарматским» языками, надо думать, тюркским и каким-то славянским, быть может, русским. Кампора общался с гуманистами и, между прочим, с Энеем Сильвио Пикколомини (1405-1464) [17].

Известность школ Кафы, выделявшихся высокой лингвистической подготовкой, множилась не только учителями, но и талантливыми учениками. Коммуна нередко обращалась к услугам школяров в качестве переводчиков, о чем свидетельствуют выплаты из городской казны. Некоторые из них сделали успешную миссионерскую карьеру, используя полученные познания в теологии и различных языках, как например, Мартино и Бернабо де Кафа (1396), Джованни Джильберто (1399) и Амброджо Шипионе (1421) из Кафы, ставшие епископами в различных диоцезах Газарии, или уже упоминавшийся Джакомо Итальяно, ставший архиепископом Ханбалыка с юрисдикцией на весь Средний и Дальний Восток [18].

Наряду со школами, основанными латинянами, в Кафе действовали армянские, греческие, мусульманские и иудейские учебные заведения. В частности, местные армяне располагали школой в монастыре Гамджак, поблизости от Кафы, основанном архиепископом Аветиком Хотачараком в 1303 г., который стал центром образованности. Сам Аветик выделялся ученостью и литературными дарованиями: ему принадлежат лучшие гимны (шараканы) о Гамджакском монастыре и Троицкой церкви Кафы. Другая армянская школа действовала в монастыре Св. Антония, находившемся рядом с Кафой. В ней преподавали вардапеты, доктора теологии, как например, Нерсес Шнорхали, автор богословских трактатов (начало XV в.), или Нерсес Вардапет, оставивший «Плач о Кафе» 1475 г. Судя по всему, армянская школа Св. Антония воспроизводила структуру знаменитого Татевского университета: в ней изучали музыку и нотопись, каллиграфию и книжную живопись, труды античных и христианских авторов [19].

Об одной из городских армянских школ сохранились сведения в документах папской курии. Речь идет об учебном заведении, патронированном орденом армян-униатов. В 1357-1377 гг. ректором его был армянин Сет, магистр теологии, принявший позднее католичество и получивший по булле папы Григория XI право свободной проповеди католического вероучения [20].

В отличие от латинских и армянских образовательных центров, история греческой школы в Кафе пока не получила освещения в специальной литературе. Между тем по масштабности своей просветительской деятельности она, на мой взгляд, не должна была уступать охарактеризованным выше. Обучение по традиции велось в монастырях, а именно: Св. Петра, принятого под юрисдикцию Константинопольского патриарха в 1366 г., и Св. Георгия, основанного маркизом Асланом и принятого

после его смерти в 1395 г. под покровительство византийской церкви. Греческие школы курировались назначавшимися из Константинополя епископами, получившими в 1437 г. митрополичий сан, которые после подписания Флорентийской унии 1439 г. стали избираться в Риме. В них, помимо теологической литературы, изучались греческие классики.

Эти первоначальные элементы полусветского и светского образования развились к XV в. в первые внецерковные учебные заведения, действовавшие по программе «семи свободных искусств»; в них должны были изучаться грамматика, риторика, логика (*trivium*), а затем – арифметика, геометрия, астрономия и музыка (*quadrivium*). К подобной школе имел отношение в 90-е гг. XIV в. Павел, ученик Димитрия Кидониса, состоявший в эпистолярном общении со своим прославленным учителем и обменивавшийся с ним книгами. В ней преподавал во второй половине XV в. ритор и магистр свободных искусств Константин де Сарра, известный записью рассказа Катерино Дзено о посольской миссии в Персию. Из подобных школ выходили табеллионы, составлявшие по-гречески частно-правовые документы, скрипторы и переводчики, служащие коммуны. По-видимому, к светскому образованию имели доступ и женщины. В массариях Кафы 1446 г. сохранилась запись о выплате жалования женщине-гречанке за прочтение и перевод писем, написанных по-уйгурски.

Именно греческая школа, с ее восходящим к античности идеалом пайдеи, когда грамматика изучалась посредством стихосложения, а риторика и логика постигались в чтении Геродота и Платона, должна была стать основой универсального светского образования в Кафе, финансировавшегося из бюджета коммуны. Судя по регулярным выплатам жалования школьным учителям, грамматикам и магистрам свободных искусств, фиксировавшихся в массариях, подобная система образования сложилась в XV в. Более того, упоминание магистров и профессоров позволяет заключать о складывании в Кафе школ не только среднего уровня, но и высшего, приближавшегося к университетскому.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pomniki dziejowe Lwowa z Archiwum miasta. T. 1: Najstarsza ksiega miejska 1382 –1389. Lwow, 1892. P. 93-95, 98.
2. Vigna A. Statutum Caphe // Atti della societa Ligure di storia Patria. Genova, 1879. Vol. VII. P. 617.
3. Inid. P. 618; Bal letto L. La civiltà dei mestieri nella Crimea genovese // България Понтика. София, 1988. P. 282.
4. Vigna A. Op. cit.
5. Ibid.; Jacobi D. Les quartiers juifs de Constantinople // Byzantion. Bruxelles, 1967. Vol. XXXVII. P. 216.
6. Ballard M. Genes et l'Outre-Mer. T. 1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290. P.; La Haye, 1973. № 308; Reichert B. M. Monumenta Ordinis Praedicatorum historica. Romae; Stuttgartiae, 1897. T. V. P. 313; Altaner B. Die fremdsprachliche Ausbildung der Dominikanermissionare während des 13. und 14. Jh. // Zeitschrift für Missionerwissenschaft und Religionwissenschaft. Munster, 1933. Bd. XXIII. H. 3. S. 233-241.
7. Wadding L. Annales minorum seu trium ordinum a. S. Francisco stitutorum. Quaracchi, 1931. Vol. VII. P. 716.
8. Fedalto G. La chiesa latina in Oriente. Verona, 1973. Vol. I. P. 350; Tautu A. L. Acta Martini P. P. V (1417-1431). Romae, 1980. Vol. XIV. T. II. P. 979.
9. Kuun G. Codex Clunanicus. Budapest, 1880; Gronbech K. Codex Cumanicus: (Cod. Marc. Lat. DXLIX). Kopenhagen, 1936; Drüll D. Der Codex Cumanicus: Entstehung und Bedeutung. Stuttgart, 1980.
10. KUUN G. Op. cit. Cap. I-IV, VI, X, XIV-XXXVI; Wadding L. Annales minorum. . . P. 716-719; Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge Mass., 1936. P. 174-175.
11. Fedalto G. La chiesa latina in Oriente. Vol. I. P. 450; Tautu A. L. Acta Martini P. P. V. . . Vol. XIV. T. II. P. 979.

12. Laurent M. -H. L activite d'Andre Chrysoberges, O. P. Sous le pontificat de Martin V (1418-1431): Etudes et documents// Echo d Orient. P., 1935. T. XXXIV. P. 414-438; Darrouzes J. La date de la mort d Andre Chrysoberges, archeveque de Nicosie // Archivum Fratrum Praedicatorum. Roma, 1951. Vol. XXI. P. 301-305; Tautu A. L. Acta Martini P. P. V. . . P. II. P. 868-870; Candal E. Andreae Rhodiensis, O. P., inedita ad Bessarionem epistula// Orientalia christiana periodica. Roma, 1938. T. IV. P. 329-371.

13. Eubel C. Epitome sive summa bullarium. Roma, 1898. Vol. V. N303, 317; Golubovich Q. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Franciscano. Quaracchi, 1910. Vol. III. P. 43; Le Quin M. Oriens Christianus. Graz, 1958. T. III. P. 1103-1104; Predelli R. I libri commemoriali della Republica di Venezia: Regesti. Venezia, 1876. T. I. P. 265-266; Fedalto Q. Op. cit. Vol. I. P. 441-442; Richard J. Orient et Occident au moyen age: Contacts et relations (XIIe-XVe s.). L., 1976. XXI. P. 263-264.

14 Ibid. P. 154; Le Quin M. Oriens Christianus. T. III. P. 1105; Tautu A. L. Acta Innocentii P. P. VI (1352-1362). Romae, 1961. P. 49-50; Loenertz R. Deux eveques dominicains de Caffa// Archivum Fratrum Praedicatorum. Roma, 1935. T. V. P. 346-357; Sohlumberger Q. Sigillographie de l'Orient Latin. P., 1943. P. 227; Richards J. Deux eveques dominicains, agents de l'union armenienne au moyen sige// Archivum Fratrum Praedicatorum. Roma, 1949. T. XIX. P. 255-265.

15. Tautu A. L. Acta Innocentii P. P. VI. . . P. 203-205; Idem. Acta Urbani P. P. VI (1378-1389), Bonifacii P. P. IX (1389-1404), Innocentii P. P. VII (1404-1406) et Gregorii P. P. XII (1406-1415). Romae, 1970. Vol. XIII. T. I. P. 110-111.

16. Idem. Acta Gregorii P. P. XI (1370-1378). Romae, 1961. P. 424-425; Fedalto G. La chiesa latina in Oriente. Verona, 1976. Vol. 11. P. 65.

17. Rippoll T., Bremond A. Bullarium ordinis fr. praedicatorum. Vol. III. P. 228; Le Quin M. Oriens Christianus. T. III. P. 1106; Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficcio di S. Giorgio // Atti della societa Ligure di storia patria. Genova, 1868. Vol. VI. P. 207-209, 311-314, 364-369, 378-379; Musso G. G. Politica e cultura in Genova alla meta del Quattrocento// Miscellanea di storia ligure in onore di G. Falco. Milano, 1962. P. 315-354.

18. Musso G. G. Nuove ricerche d'Archivio su Genova e l' Europa Centro-Orientale nell' Ultimo medio evo// Rivista storica italiana. Napoli, 1971. An. LXXXI. N 1. P. 132; Fedalto G. Op. cit. Vol. I. P. 461.

19. Buschhausen H. Die Krim als letztes Zentrum der Kreuzfahrerkunst und ihre Beziehungen zum Kleinarmenischen Konigreich Kilikien // Byzantinobulgarica. Sofia, 1986. Vol. VIII. S. 153; Cazacu M., Kevonian K. La chute de Caffa en 1475 a la lumiere de nouveaux documents // Cahiers du monde russe et sovietique. P., 1976. N4. P. 499-500.

20. Tautu A. L. Acta Gregorii P. P. XI. . . P. 431.

*Дмитрий Игоревич МАКАРОВ –
ассистент кафедры истории древнего
мира и средних веков
Уральского государственного
университета*

УДК 930.221+94 (495.02)

ГОМИЛИИ ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена оценке сведений по истории поздней Византии, содержащихся в собрании речей, или гомилий Св. Георгия Паламы (1296-1359), архиепископа Фессалоники с 1350 г. Гомилии Паламы дают ценную информацию о социальных и религиозных различиях населения Фессалоники (налогообложении, ереси, магии и т. д.).